

Сергей Коровин

P R I M A V E R A

"Уходи!.."

/Алтайская Книга Мертвых,
пер. А. Т. Д./

Галя очень лжива, но зато она не такая подлая, как Вера. Вера подлая, но не злая, как Люда-маленькая - та прямо аж трясется от злости, а Вера только шутит и никогда не злится, и не врет, как Галя. Галя чего только не расскажет, и что замуж выходит, и что у ней папа - капитан первого ранга в Архангельске, а на самом-то деле все врет, но никогда не возьмет чужого, не то, что Света, Свету так и зовут "А ручки? Вот они!". Она, только чуть кто отвернется, так и норовит чего-нибудь стянуть. Ее уже два раза били, и больше всех Люда-маленькая: бьет, бьет, ногтями царапает, а потом ка-ак схватит ножницы, ка-ак закричит "порежу!", хотя ей-то что? Света-то вовсе и не у нее стянула. Она всегда так, даже если сама тебе все испортит, или сломает, или на пол уронит, а попробуй, скажи - сразу за ножницы. Ее только Вера не боится: только попробуй, говорит, подойди, я тебе потом глаза кислотой выжгу. А сама смеется, и непонятно: шутит или нет. Зато Галя никогда не шутит, она все врет, она каждый день говорит, что плохо себя чувствует, хотя здорова, как лошадь. Или вот: ее спросят, мол, знаешь такого-то, она непременно ответит: "Как же, как же - мерзавец!", даже если и в глаза его не видала, и вообще, первый раз слышит. Вера говорит, что Галя растлевает мальчиков, которые у нее уроки берут, что она ее тоже подбивала - давай, мол, на пару, - не знала, что она подлая, так Вера теперь, чуть что, сразу: смотри, говорит, Галечка, расскажу девочкам, какие ты мальчикам уроки даешь. А сама уже всем давно рассказала - все так смеялись, даже Света, которую накануне побили в уборной, за то что та опять у Гали стащила фирменный пакет с "Монтаной" и загнала его за пятерку Люде-маленькой. Света ворует, но зато никогда не врет, она просто молчит, ее бьют, она не признается, хотя и так всем понятно, что кроме нее некому. Ее Вера обычно разоблачает, но сама почему-то не бьет, только подначивает, мол, вы ее кипяточком, кипяточком попробуйте, или что-нибудь в этом роде, и смеется. Люда-маленькая раз уже за чайником побежала, но по дороге раздумала, потому что всегда непонятно: шутит она или нет. Но Света добрая, если вкусненького стырит, так всех угостит, не то что Люда-маленькая, которая, скажем, купит себе фиников - вот такой кулек - и сидит, ест, а если кто спросит, мол, дай штучку, попробовать, так она сразу: сорок один - ем один!, и всё тут, или скажет: тебе нельзя, у тебя и так зубы гнилые, а если попросит кто-нибудь, мол, дай яблочко или пирожное кусить,

так Люда-маленькая всегда прищурится и говорит: а у тебя справка есть, что люэс отрицательный? Что, нет? Ну и гуляй, попрошайка. Вера как-то ее послушала, послушала и говорит: а у тебя -то есть? Люда-маленькая ка-ак схватит опять ножницы, - все жак смеялись, а Вера тогда всем рассказала, что у Люды-маленькой такая справка есть, и что она ее, как-бы между прочим, показывает, если какой-нибудь грузин попадется, у ней, оказывается, соседка в диспансере работает и справок этих хоть сто штук принесет. Только зачем? - удивилась Вера,- грузины-то все равно читать не умеют. А Люда-маленькая так разозлилась, что откусила еще и бросила - нате, жрите. Даже заплакала. А Вера говорит: давай, давай, побольше поплачешь - поменьше пописаешь, - и смеется, она всегда так, когда плачут, а сама не плачет никогда, она говорит: у нас в Макеевке не девки плачут, а хлопцы, а шахтеры знаете какие? и показывает: Во! как два солдата, - и смеется, и непонятно: шутит она или нет. Как, например, когда кто-нибудь начнет Шостаковича ругать, мол, говно твой Шостакович, Вера, то ли дело Моцарт, а Вера даже виду не подаст, только скажет, мол, сама ты говно со своим сраным Моцартом, а еще раз услышу, так мы тебе такую темную прямо в Большом зале сделаем - черт ее разберет, но очень она Шостаковича любит, не то что Света, которая только в прошлом году в филармонию сходила, она театрвед, она больше в ТЮЗ или Горьковский. Потому что там пирожок можно с буфета стырить, - так Гая про нее говорит, врет, конечно, хотя, может, и правда: Света-то сама помалкивает. Люда-маленькая раз у нее спрашивает, что ты, мол, никогда не признаешься? А чего, отвечает Света, признаваться? Все равно бить будете. Ничего подобного, возражает Гая, мы из-за чужих пирожков тебя пальцем не тронем. Как же, сказала Света, так я тебе и поверила, Все так смеялись, а Гая тогда обиделась и говорит, мол, что ж это, я, по-вашему, всё время вру? Да я, если хотите, никогда не вру, я вам только доказать этого не могу. Ага, говорит Вера, выходи ты и про мальчиков своих мне всю правду рассказывала? Гая не растерялась - не знаю, говорит, никаких мальчиков. А Света молчала, молчала и вдруг говорит: как же ты не знаешь, а за что тебя из школы уволили? Не знаю, отвечает Гая, не знаю никакой школы, и вообще, кого вы слышите, она ж припадочная, эпилептичка ненормальная. Все просто под стол со смеху полезли, а Люда-маленькая и говорит: ну вот, опять нам ~~башни~~ тебя не проверить. Спросите кого хотите, закричала Гая, ее прямо с экскурсии из Казанского собо-

ра скорая помощь забрала, да вы ее саму спросите, что не забирала? А Света как всегда молчит. Ну что, быть ее, что ли, из-за такой ерунды? – говорит Вера – мы ж интеллигентные, и потом, она же все равно не признается, она мне сама рассказывала, что ее, еще в общежитие на Опочинке, всем этажом два дня били и то не призналась, так что, Галечка, не ври, а то я всем расскажу, как тебя еще в первом классе три матроса изнасиловали. А все и так знают: куда Галя ни придет, сразу к ней кто-нибудь клейтся, она как раз перед этим рассказывала, что зашла с работы кофе попить, а к ней тут же подходит один в очках и прямо так и говорит: все, мол, я на ней женюсь, дайте этой Венере кофе без очереди – еле, говорит, убежала, даже трубочку не доела. Люда-маленькая, обычно, слушает ее, рот разинув, а тогда и она не выдержала: врешь, говорит, не может такого быть, ни за что. А как-то раз встретились все на Пискаревском, потому что там экскурсии кончаются, смотрят, а Светы нет. Она заболела, говорит Вера, она мне вчера звонила, сказала – голова болит, это потому что ты, Людочка, треснула ее тот раз об косяк, вот и пожалуйста. Нет, говорит Люда-маленькая, я ее не сильно, это ты, Галя, наверное, ее сумкой ушибла, потому что когда я ее треснула – она ничего, а когда ты, то прямо вся побледнела, у тебя там – охкохо! – какая железяка была, ты ж нам еще хвасталась, что где-то массажную машинку достала. Ничего подобного, отвечает Галя, у меня там пустая коробка была, не было никакой машинки, это я вам в другой раз хвасталась, и ~~ещ~~ не достала, а в починку несла. Что ж я, говорит, Люда-маленькая, такая дура, что не помню?? Ладно, говорит Вера, не все ли равно, поехали к Светке, ей мамаша с Кубани прислала абрикосового варенья, а заодно узнаем, кто ей тыкву повредил? Не-не-не, оказывается Люда-маленькая, и еще раз: не-не-не. Ну, ты никак грузина подцепила, смеется Вера, наконец-то справочка пригодится. Да, говорит Люда-маленькая, у меня в шесть часов свидание, и не твое дело с кем. Да брось ты, смеется Вера, ты ж сама мне рассказывала, что любишь только грузинов и моряков, из дальнего плавания. Всё, отрезала Люда-маленькая, ну вас к черту. Куда, куда, кричит ей Вера, куда ты с ним денешься? А может он меня в ресторан позвовет, не отступает Люда-маленькая, или в бар на Марата. Какой ресторан? кричит Вера, завтра же восьмое марта, а

мне экскурсанты торт киевский подарили, смотри, мы тебе не оставим, а Светка целую квартиру снимает, она тебе комнатку уступит, если, конечно, ты ее об косяк не того. Тут Люда-маленькая, конечно, не устояла, поехали на площадь Мужества. Приехали. А там третий штурман с рудовоза, "Пионер Луги" - ничего мальчионка, черненький такой, но не грузин. Вера говорит: чучмек, а Люда-маленькая обиделась: никакой не чучмек, у него мать из Красноводска. Во, сказала Вера, там самые чучмеки и живут. Сели к нему в "москвич", поехали к Свете на бульвар Новаторов. Люда-маленькая по дороге очень гордилась, какие-то ручки в машине крутила, стекла опускала, а потом сказала: вот здорово, какое совпадение, я тоже из Луги. Света, конечно, обрадовалась, что все приехали, сразу Окуджаву поставила для Гали, Люде-маленькой банку варенья, штурмана за "алазанью" отправили, а сама с Верой пошла на кухню новости рассказывать, что, мол, Люда-маленькая со своим чучмеком в магазине познакомилась, что у него мать из Красноводска и тетка хромая - у неё, оказывается, приятель с ним в одном классе учился. Пришел штурман, сели, стали вино пить, Гая, как обычно, рассказывает, как она была в Москве и Окуджава к ней клеился. Как же, как же, вставила Вера, слыхали, ты ему уже почти дала, но он, наивная душа, испугался сорвать цветок твоей невинности, ты ж ему, наверно, не рассказывала про трех матросов. Все засмеялись, а штурман спросил, какие три матроса, не с танкера ли "Пекин"? Нет, говорит Вера, если Гая не врет, те, с миноносца. Про миноносец не слышал, говорит штурман, а у нас рассказывали, что два электрика и второй механик с "Пекина" приехали к бабе на Васильевский, а ночью пришел ющий ее муж и видит, что они все голые спят, так он их за это всех убил, разрезал на части и бросил в Смоленку. Ой, ужас какой, вздрогнули девочки, и ее тоже? Нет, говорит штурман, она ему помогала руки-ноги отрезать, так его расстреляли, а ей пять лет дали. Ой, ужас какой, неужели всего пять? А как их поймали? - спрашивают. Очень просто, говорит штурман, эти дураки руки-ноги завязали в простыню, их по бирке из прачечной нашли. Вот уж точно, дураки, решили девочки, надо было бирку-то отпороть. Все стали танцевать, а Люда-маленькая не может, потому что у нее печень больная, она выпьет рюмку и готова, ее тошнит, голова кружится. Повисла на своем чучмеке и все твердит: как хорошо, что вы тоже из Луги, и я из Луги. Вера посмотрела на них и говорит Свете: опять придется за ней подтирать. Света отвечает, мол, ничего, я тазик поставлю. И точно, только легли,

Вера еще Гале заметила: куда, мол, ты под одеяло в платье-то лезешь? Мне так лучше, объясняет Галя, вдруг он ко мне kleиться будет, - все чуть со смеху не померли, а тут уже штурман в трусах стучит к ним в комнату: фу-у, там вашей подружке плохо сделалось. Ах ты, боже мой, сказала Света, надела халат и пошла за тряпкой. Вера с Галей тоже вылезли, пришли смотреть. Ах ты, свинья, говорит, хоть бы чужого человека постеснялась, мы тебя больше с собой брать не будем. А Люда-маленькая лежит, вся зеленая, головой в таз и просит: Светочка, миленькая, пусть он только не уходит, мне уже лучше, я сейчас помоюсь и всё, - а саму совсем наизнанку выворачивает. Вера с Галей плюнули и пошли спать. А утром прибегает Люда-маленькая на кухню, где все уже чай с киевским тортом пьют: Где Миша? Не знаю, смеется Вера, ты у Светы спроси. Люда-маленькая как всегда ничего не понимает, где, говорит, Миша, и все тут. Света говорит: уехал в порт. Люда-маленькая чуть не в слезы: зачем уехал, почему отпустили? Что ты, говорит Вера, наоборот осться уговаривали, вон - Света всю ночь с ним проканителась, глаз не сомкнула. Ага, говорит Галя, я видела. Люда-маленькая, как обычно, говорит, не ври, пожалуйста, и опять за свое, зачем, мол, отпустили? Правда, правда, говорит Вера, Галя не врет, она из уборной подглядывала, когда они в ванной закрылись. Галя покраснела и говорит: я не подглядывала, я случайно увидела, когда пошла, мне тушь в глаз попала, а ванная закрыта и свет горит, там и так все слышно было через дверь - не надо подглядывать. А чего ж ты говоришь - видела? - спрашивает Вера, - мало ли что ты слышала, может они там ничего и не делали. Ну да - не делали! Я случайно, говорит Галя, там вода не спускалась, я полезла цепочку поправить и увидела через решетку. Гадина! - закричала Люда-маленькая, - отвечай, гадина, что вы там делали? Она всегда так кричит, когда Света чего-нибудь сташит, а ну, мол, признавайся и так далее, а Света сразу встает и к стенке отходит, закроется руками и ничего не говорит. Галя тогда подойдет к ней, оторвет одну руку и ка-ак влепит, а потом уже Люда-маленькая как вцепится, и ногами. Или туфлю снимет и каблуком. Гадина! - кричит Люда-маленькая, - Ты ж меня всю обворовала, ты же, сука, жизнь всю мою, может быть, исковеркала, неужели ты думаешь, что это тебе даром кончится? Я тебя сейчас не буду

бить, я тебя изуродую, что тебя мать твоя на Кубани не узнает, что тебя ни одна больница не примет, крыса ты позорная, и как схватит чайник с кипятком. Стоп, говорит вдруг Вера, а ну-ка отойди с чайником, Галя, возьми ее куда-нибудь, вон, в ванную запри. Не трогай, кричит Люда, я ее все равно убью, но Галя ее в ванную затолкала и дверь на задвижку. Так, говорит Вера ласковым голосом, расскажи-ка нам, Света, что ты там с этим чумеком делала? Света только головой мотает и молчит. Люда-маленькая в ванной притихла - слушает. Да чего вы ее спрашиваете, говорит Галя, она же все равно не признается, давайте, надаем ей хорошенъко, чтоб знала как с чужими мужиками, а потом я вам сама расскажу, я же все видела. Помолчи, тебя не спрашивают, говорит Вера, ты наврешь - не дорого возьмешь, я хочу, чтоб она сама рассказала. Ну, давай, признавайся. Света руки отняла и в окно смотрит. Ух, говорит Галя, так бы и врезала, чтоб не прикидывалась. Света вдруг кинулась в коридор и дверь в ванную хочет открыть. Стой, кричит Вера, не выйдет! Побежала за ней и дверь держит. Нет, говорит, мы тебя все равно бить не будем, пока не признаешься, ну-ка, ну-ка, давай, давай. Люда-маленькая из ванной кричит "убью!" и стучит какой-то деревяшкой: убью-ю-ю!.. Вера говорит: слышишь? Там она, там, сейчас выйдет, ты только скажи. А Галя говорит, я не понимаю, что ты хочешь, я же вам сейчас расскажу как дело было: он сначала ее... Заткнись, скотина, грубо так ей Вера, а потом к Свете ласково: она нам сама расскажет, правда ведь, Светочка, расскажешь, а то я Люду не выпущу. Света вдруг руку себе прикусила и шепчет: я с ним там спала.. Все так и грохнули, а Света дверь дергает: пустите, я же вам все сказала. Нет, смеется Вера и дверь держит, так не пойдет, что значит "спала", я вон тоже с Галей спала, ты нам все по порядку. А Света ручку отпустила, грохнулась на пол и завыла, забилась об косяк. Ага! - кричит Галя, что я вам говорила, - она припадочная! Я вам правду сказала, вы мне не верили, вот, смотрите, я правду сказала! Люда-маленькая дверь как-то вышибла, выскочила с плечиками в руке и хотела ими ~~убий~~ уже Свету бить, но испугалась, потому что у нее пена изо рта и всё такое - страшно смотреть. Сволочи, говорит, мне не оставили... Вера вызвала "скорую", и Свету забрали, а то она уже посинела вся. Врач сказал: эпилепсия. А я вам что говорила, обрадовалась Галя. Настроение, конечно, уже не праздничное. Люда-маленькая по квартире так с плечиками и бегает, Вера в окно

смотрит, как Свету в карету запихивают, никак у них носилки не въезжают, только Галя именинницей ходит и поет: "В моей душе запечатлен портрет одной прекрасной дамы..." Вера проводила "скорую" и говорит: что, Людочка, скучно, некому морду набить? Люда-маленькая ей кулак показала. Галя, зовет Вера, иди-ка сюда. Галя подходит - чего такое, и улыбается. А Вера взяла у Люды плечики и ка-ак врежет Гале поперек носа, только брызги полетели, та - с катушек долой, упала и вопит: За что? А ни за что, отвечает Вера, чтоб ты знала, как правду говорить. Ну-ка, Людочка, давай сюда чайник, сейчас мы ее научим, узнает, что такое правда. Люда-маленькая пошла было на кухню, но остановилась, потому что всегда не понятно; щутит она или нет. А Вера говорит: ну, что встала, давай, топай скорей, а то остынет.

Это было в начале марта, когда над Гибралтаром небо черное от птиц, которые надвигаются со стороны Мелиллы и Орана, как дурные вести. Они черные, их много, испанцы их называют кансонет и никогда не едят, не то что французы, которые едят даже то, чего не едят китайцы.